

На правах рукописи
УДК: 94(38)

Кудрявцева Татьяна Владимировна
НАРОДНЫЙ СУД И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Специальность 07.00.03 – «Всеобщая история»

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург
2008

Работа выполнена на кафедре истории древней Греции и Рима исторического факультета
«ФГОУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Фролов Эдуард Давидович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Карнюк Сергей Георгиевич

доктор исторических наук, профессор
Строгеецкий Владимир Михайлович

доктор исторических наук, профессор
Федоров Сергей Егорович

Ведущая организация: **Казанский государственный университет**

Защита состоится февраля 2009 г. в часов на заседании диссертационного совета Д 212.199.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена по адресу: 191186, Санкт-Петербург, наб р. Мойки, д. 48, к. 20, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена по адресу: 191186, Санкт-Петербург, наб р. Мойки, д. 48, к. 5.

Автореферат разослан «   » _____ 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Г.К. Шлыкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. 2500 лет тому назад Перикл, выступая на похоронах воинов, павших в первый год Пелопоннесской войны, с программной речью, прославлявшей афинскую демократию, произнес в том числе такие пророческие слова (по версии Фукидида): «Мы послужим предметом удивления для современников и потомков» (Thuc., II, 41, 4). И действительно, едва ли какое другое историческое порождение античного мира вызывало такие яростные споры и привлекало такое пристальное внимание, как афинская демократия. В настоящее время современные демократические государства пытаются отвечать на новые вызовы: власть как удел элит и недостаточная, по мнению некоторых, вовлеченность народа в управление государством на фоне растущей аполитичности масс и равнодушия к гражданской деятельности. Для западных ученых это служит ещё одним стимулом для обращения к истории афинской демократии, в которой с вовлеченностью народа был полный порядок и которую *mutatis mutandis* можно использовать как положительную модель для решения некоторых проблем. В Афинах пытаются узреть школу не только для всей Эллады (как торжественно заявлял Перикл), но и для политической системы, демократической практики и идеологии современного западного мира.¹

Если внимательно посмотреть на всю богатую литературу (как монографии, так и периодику), вышедшую на тему афинской демократии примерно за 50 последних лет, нетрудно заметить, какое важное место занимают в ней сюжеты, связанные с афинским народным судом – гелизеей. Гелиэя рассматривается как ключевой институт афинской демократии, чье развитие самым непосредственным образом было связано с развитием самой демократии. Все согласны с тем, что народный суд наряду с народным собранием являлся важнейшим государственным органом Афин, – об этом свидетельствуют и наши источники. Аристотель в «Политике» определяет гражданина демократического государства как того, кто участвует в суде (*δικαστής*) и заседает в собрании (*ἐκκλησιαστής*) (1275a22–33, b5–6). Экклесия была сове-

---

¹ См., например: *Finley M.* Democracy Ancient and Modern. New Brunswick, 1996. (1-st ed. 1973). P. 3–37; *Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. N. Y., 1991. P. 273–283; *Hansen M.H.* The Tradition of the Athenian Democracy // G&R. Vol. 39. 1992. P. 14–30; *Roberts J.T.* Athens on Trial. The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton, 1994. P. 175; *Ober J.* The Athenian Revolution. Princeton, 1996. P. 19–20, 125.

щательным и законодательным собранием народа, в дикастериях тот же суверенный народ через своих представителей (дикастов) осуществлял судебную власть.

То, что исследование народного суда превратилось в *mainstream* западной науки, объясняется не только общепризнанным значением гелиэи для государственной системы Афин – оно тесно связано с той первостепенной ролью, которую гелиэя стала играть в последние десятилетия в спорах относительно эволюции афинской демократии, сравнения демократии «века Демосфена» с «веком Перикла», и еще шире – демократии античной и современной. Наша заинтересованность в обозначенной выше проблеме побудила и нас взяться за исследование афинской гелиэи; для нас – это эффективный способ изучения афинской демократии «изнутри», в процессе развития, постижения её наиболее характерных особенностей, прослеживания её сходства (или, может быть, различия?) с демократией современной. С другой стороны, исследование деятельности народного суда в Афинах, рассмотрение «знаковых» судебных процессов, происходивших в гелиэе или экклесии, подавляющее большинство которых имело ярко выраженный политический характер, погружает историка в самую гущу общественной жизни и политической борьбы в наиболее интересный и насыщенный период древнеафинской истории и дает ему шанс уточнить определенные детали и процедуры, высказаться по ряду спорных вопросов и проблем, а также прояснить или по-новому изложить некоторые из них.

Цель и задачи исследования. Главная цель работы: исходя из имеющихся у нас источников и учитывая достижения историографии, исследовать афинский народный суд, его возникновение и становление; выяснить роль гелиэи в функционировании и эволюции демократии в Афинах в V–IV вв. до н.э. Данная цель определяет следующие конкретные задачи, которые решались по ходу нашего исследования:

- рассмотрение проблемы происхождения гелиэи; выявление этапов ее развития (переход от единой гелиэи как апелляционного суда к нескольким дикастериям – судам первой и последней инстанции); изучение первых судебных процессов, известных нам из источников; определение места народного суда в проведении афинской державной политики (архэ);

- реконструкция деятельности народного суда во второй половине V в. до н.э. по главному для этого периода источнику – комедиям Аристофана;

- изучение состава и деятельности дикастериов в IV в.; прослеживание связи такого явления, как сикофантия, с афинской демократией;

– всесторонний анализ судебного процесса в классических Афинах с момента инициации иска до наказания, с акцентом на таких сюжетах, как поведение сторон и свидетелей, свидетельская пытка рабов, мотивы судей при вынесении вердиктов;

– исследование главных видов политического (государственного) процесса – исангелии и жалобы на противозаконие; выяснение последствий применения такого рода обвинений для внутренней и внешней политики, функционирования афинской демократии;

– анализ концепции М. Хансена и его последователей об Афинах IV в. до н.э. как о «царстве закона»; рассмотрение причин появления подобной теории.

Совокупность перечисленных вопросов определяет структуру и **хронологические рамки** нашей работы. Таковым является период от поздней архаики – реформы Солона, создание гелиэи (начало VI в. до н.э.) – до 20-х гг. IV в. до н.э., когда после поражения Афин в Ламийской войне македонский наместник Антипатр установил в городе умеренно-олигархический режим – по сути, это конец классического периода афинской истории. Так как в центре нашего внимания – работа народного суда в *демократическом* афинском полисе, нам кажется логичным закончить наше исследование на фактической гибели демократии в Афинах.

Методологическая основа. Для всестороннего исследования гелиэи использовались различные методы и подходы, принятые в современной науке. По-прежнему не утрачивает своего первостепенного значения историко-критический метод, базирующийся на изучении источников. Мы испытываем к этому, можно сказать, классическому методу, огромный пиетет, но, применяя его, старались избегать наивного позитивизма в духе: «Пусть источники говорят за себя сами», – источники скажут *не то*, если толковать их вне и без учета того социально-политического контекста, в котором они создавались.

Основным методологическим принципом диссертационного исследования является системный подход: гелиэю мы рассматривали как интегральную составную часть афинского демократического полиса, который в свою очередь представляет собой целостную социополитическую и идеологическую систему, все элементы которой (политические институты, общественная жизнь, мораль и право и т.п.) находятся во взаимосвязи и взаимодействии.

Изучение афинского судопроизводства на протяжении нескольких веков шло либо в виде антикварных штудий в духе греческих древностей,² либо в виде правовых штудий по римской юриспруденции (с упором на процедуру),³ либо напоминало их гибрид.⁴ Рассмотрение афинского права и судов как автономного института оставляло в тени то, как само общество, отношения между его субъектами, практикуемые в нем ценности в свою очередь влияли на правосудие. В последнее время появились новые подходы: афинское право и систему судопроизводства стали рассматривать в рамках парадигмы «закон и общество». Движение в этом направлении в греческой историографии началось, пожалуй, с выхода в свет книги Л. Жерне.⁵ Солидаризируясь с этими новыми подходами, в частности, с активно разрабатываемой в последнее время «правовой антропологией», мы исходим из того, что закон и правовой процесс настолько были встроены в жизнь афинского общества, что ставить и пытаться решить связанные с ними проблемы, – в конечном итоге означает решать проблемы жизни и функционирования этого общества и самих афинян, т.е. проблемы афинской демократии. Мы старались рассматривать историю афинской гелиэи в неразрывной связи с политической культурой Афин в том смысле, в котором это понятие употребляют современные антропологи и политологи: система представлений (beliefs), ценностей и символов, которая определяет политическую деятельность.

Интересные методы анализа были выработаны в последние десятилетия социолингвистикой, занимающейся изучением речевой деятельности (performance studies). Такие видные представители этого относительно молодого и перспективного научного направления, как Дж. Остин, Дж. Серл, С. Петрей, исходят из того, что при некоторых обстоятельствах возможно «делать вещи с помощью слов» (do things with words), поскольку речь не только описательна (descriptive), но и созидательна (performative), и в подходящей, структурированной по определенным правилам социальной обстановке, слова будут не только отсылать к предшествующей им реальности, они будут изменять эту самую реальность (speech act theory). Мы полагаем, что данный метод может быть применим для понимания и описания правил и социально-

---

² См, например: *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. I: государственные и военные древности. СПб., 1997 (1-е изд. 1880 г.).

³ См, например: *Lipsius J.H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Hildesheim: Olms, 1966 (1-е изд. – 1905–1915).

⁴ Например: *Bonner R., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. I–II. Chicago, 1930–1938; *Harrison A.R.W.* The Law of Athens. 2 vols. Oxf., 1968–1971.

политических структур афинской демократии, в рамках которых судебным ораторам удавалось «делать вещи» с помощью своих «успешных речевых актов» (*felicitous speech acts*).⁶

Источники, использованные при написании настоящей работы, многочисленны и многообразны.

Сведения о работе гелиэи в раннеклассических Афинах, дошедшие до нас от современников, отрывочны и неполны. Историкам Геродоту и Фукидиду, сочинителю памфлета «Афинская полития», известному под именем Псевдо-Ксенофонта, или Старого Олигарха, не были интересны судебная процедура и судебное крюкотворство, поэтому они ограничились либо краткими замечаниями о ряде «скандальных» процессов (Мильтиада, Фемистокла, Перикла, дело «осквернителей герм» и т.п.), не вникая ни в какие юридические тонкости и детали (Геродот, Фукидид), либо обошлись эмоциональными восклицаниями о глупости, жадности, своекорыстии и произволе заседающих в судах дикастов (Псевдо-Ксенофонт). Данные об афинском суде дополняют поздние греческие и римские историки: Диодор Сицилийский, Плутарх, Корнелий Непот и др., а также схолиасты, фрагменты аттидографов, – но и они скупы на конкретную и подробную информацию. Едва ли не единственный автор, который достаточно обстоятельно, хотя и в комической форме, описал заседание народного суда, повадки и облик гелиаста – Аристофан (последняя четверть V в. – нач. IV в. до н.э.). Из аутентичных источников конца V в. до нас дошло также несколько речей афинского оратора и политического деятеля Антифонта; несколько речей его собратьев по ораторскому цеху Лисия и Андокида относятся к самому рубежу V – IV вв.

Для IV в. ситуация принципиально меняется, ибо здесь мы располагаем таким ценным источником, как речи афинских ораторов, – это около 110 речей (полностью или в отрывках), произнесенных в суде в период примерно с конца 20-х гг. V в. до 322 г. до н.э. Они принадлежат группе авторов, входящих в сложившийся в эпоху эллинизма канон десяти лучших афинских ораторов: Антифонт, Андокид, Лисий, Исократ, Исей, Эсхин, Демосфен, Ликург, Гиперид и Динарх. Есть, правда, свои сложности в работе с этим видом античной традиции. У нас почти нет судебных речей «с обеих сторон»; нам редко известен исход процесса, поэтому трудно судить, насколько оправдали

⁵ *Gernet L. Droit et société dans la Grèce ancienne. P., 1964. Первое издание – 1937.*

⁶ Примером того, как может быть использован данный метод, для нас служат работы Д. Обера, прежде всего: *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.*

себя тактика и уловки, используемые тем или иным оратором, насколько приводимые ими аргументы были весомы в глазах дикастов. Цитаты из законов, которые могли бы помочь нам в реконструкции афинского права, в речах часто опущены или недостоверны (вставлены позднейшими переписчиками и толкователями); авторы речей довольно вольно обращались с этими законами, интерпретируя их и перелагая содержание (нередко с искажениями) в интересах отстаиваемого ими дела. Из-за предвзятости участников судебного агона далеко не все содержащиеся в их речах утверждения, даже чисто процессуального характера, следует слепо принимать на веру.

Важнейшим источником по деятельности народного суда в демократических Афинах, к которому мы не раз апеллировали на страницах нашего исследования, является Аристотель; по его мнению, и начало, и все последующее развитие афинской демократии были связаны самым непосредственным образом с появлением и развитием гелиэи.

Для нашей работы мы неоднократно привлекали и эпиграфические источники: так, например, надписи являются нашим главным источником при воссоздании картины того, как осуществлялось судопроизводство в афинской архэ. Большую помощь в уточнении сведений письменных свидетельств об афинской гелиэе оказывают археологические раскопки и соответствующие находки, подробные сведения о которых публикуются в журнале «Hesperia» и в томах из серии «Афинская агора», выпускаемых на протяжении многих лет Американской школой классических исследований в Афинах.

Степень изученности темы. Современная отечественная историография, посвященная афинскому народному суду, небогата, можно сказать, скудна. Не считая кратких упоминаний о гелиэе в общих и специальных трудах по истории древней Греции и классических Афин, она представлена главным образом статьями или очерками, посвященными некоторым «громким» или особым судебным процессам: В.М. Строгецкого (процесс Фемистокла), М.С. Корзуна (процессы против друзей Перикла), В.С. Нерсесянца и Э.Д. Фролова (процесс Сократа), И.В. Поздеевой и Г.Т. Залюбовиной (политические процессы с 403 по 387 гг.), Е.В. Никитюк (обвинения в нечестии, особенно «дело гермокопидов»), Л.М. Глускиной (иски, связанные с рудниками), В.В. Вальченко (исангелия против Леократа), М.А. Кондратюк (дело Гарпала), Л.П. Маринович (обвинение Демосфеном богача Мидия).⁷ Некото-

---

⁷ *Строгецкий В.М.* Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39–47; 54–59): Перевод и историко-критический комментарий // Из истории античного

рые проблемы афинского судопроизводства становились предметом рассмотрения в статьях Э. Казакевич (Грейс) (проблема свидетельской пытки рабов), А.Е. Паршикова (суды и афинские союзники), Л.М. Глускиной (процедура параграфэ, инициатива частного лица и принцип самопомощи в осуществлении судебного решения и др.), Е.В. Никитюк (процедура асебии).⁸ Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко в составленной ими хрестоматии «Античная демократия в свидетельствах современников» дали краткую характеристику судебной системы Афин, а подборку цитат из источников об афинской гелиеэ сопроводили кратким комментарием.⁹ Отметим также две специальные статьи И.Е. Сурикова: «О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи» и особенно «Некоторые проблемы истории афинской гелиеэ».¹⁰

В западной историографии тема народного суда, как уже было сказано, в последнее время стала одной из ведущих и самых разрабатываемых. Мож-

общества. Межвуз. сб-к. Горький, 1979. С. 3–29; *Корзун М.С.* Политическая цель процессов против друзей Перикла и причины Пелопоннесской войны // Вестник БГУ. Сер. III. 1971. № 2. С. 8–14; *Нерсесянц В.С.* Судебный процесс // Сократ. М., 1984. С. 99–113; *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 266–294; *Поздеева И.В.* Политические судебные процессы в Афинах в 403–400 гг. до н.э. (по речам Лисия) // ВДИ. 1961. № 4. С. 68–84; *Залюбовина Г.Т.* Политическая борьба в Афинах в 403–387 гг. до н.э. // ВДИ. 1975. № 2. С. 100–116; *Никитюк Е.В.* Оратор Андокид и процессы по обвинению в религиозном нечестии в Афинах на рубеже V–IV веков до н.э. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1996. Вып. 3 (№ 16). С. 23–36; *она же.* Процессы по обвинению в нечестии (асебии) в Афинах в последнюю четверть V в. до н.э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. Сб-к научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 1998. С. 117–138; *Глускина Л.М.* Судебные процессы по делам, связанным с рудниками в Афинах // ВДИ. 1967. № 1. С. 49–59; *Вальченко В.В.* Исангелия в деле Леократа // ВДИ. 1975. № 2. С. 116–124; *Кондратюк М.А.* Политическая борьба в Афинах в 324–323 гг. до н.э. и «процесс Гарпала» // Древний Восток и античный мир / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. С. 158–180; *Маринович Л.П.* Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов // ВДИ. 1998. № 2. С. 19–31.

⁸ [Грейс Э.Л.] *Grace E.* “Word” and “Deed” in the Athenian Dikasterion // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 96–105; *Паршиков А.Е.* Организация суда в Афинской державе // ВДИ. 1974. № 2. С. 57–68; *Глускина Л.М.* Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н.э. по судебным речам демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи в трех томах. Т. 2. М., 1994. С. 405–467; *Никитюк Е.В.* Виды судебных процессов и наказаний за религиозное нечестие (ἀσέβεια) по афинским законам V–IV вв. до н.э. // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 117–134.

⁹ Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996. С. 23–25; 265–278.

¹⁰ *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2. С. 34–42; *он же.* Некоторые проблемы истории афинской гелиеэ // ДП. 2005. № 2. С. 8–20.

но отметить целый ряд специальных исследований, монографий по различным сюжетам и проблемам, связанным с судопроизводством в Афинах – прежде всего, М. Хансена,¹¹ а также М. Лаванси, Г. Мейер-Лаурина, Г. Вольфа, Г. Тюра, Р. Гарнера, Р. Баумэна, В. Хантер, Д. Коэна, М. Храйста, С. Джонстоуна, Л. Рубинштейн, А. Ланни¹²; капитальный труд из серии «Афинская агора» «Суды в Афинах: местоположение, здания, оборудование, процедура, свидетельства», подготовленный А. Беджхолдом при участии его коллег¹³; несколько сборников, в центре которых – афинская гелиэя, судебные процессы и процедуры и их участники, судопроизводство в целом,¹⁴ не говоря уж о великом множестве статей и исследований, посвященных различным «громким» делам, особенностям правовой системы и правового сознания афинян, судебной риторике и т.п. Даже беглый перечень всей этой литературы (особенно если присовокупить к ней более ранние исследования) занял бы значительное место, поэтому мы приведем лишь основные точки зрения ряда исследователей (примерно со второй половины XIX в.) на афинский народный суд, связанные с оценкой его эффективности и роли в развитии афинской демократии.

---

¹¹ Например: *Hansen M.H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Actions against Unconstitutional Proposals // OUCS. Vol. 4. 1974; *idem.* Eisangelia. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians // OUCS. Vol. 5. 1975; *idem.* The Athenian Heliiaia from Solon to Aristotle // CM. Vol. 33, 1981/82. P. 9–47 и т.д. Много рассуждений о гелиэе и в его общем труде: *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology* / Tr. by J.A. Crook. 2-nd ed. Norman, 1999.

¹² *Lavency M.* Aspects de la logographie judiciaire attique. Louvain, 1964; *Meyer-Laurin H.* Gesetz und Billigkeit im attischen Prozess. Weimar, 1965; *Wolff H.J.* «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff in der attischen Demokratie: Untersuchungen zur graphie paranomon. Heidelberg, 1970; *Thür G.* Beweisführung vor den Schwurgerichtshöfen Athens: die Proklesis zur Basanos. Vienna, 1977; *Garner R.* Law and Society in Classical Athens. N. Y., 1987; *Bauman R.* Political Trials in Ancient Greece. L.; N.Y., 1990; *Hunter V.* Policing Athens: Social Control in the Attic Lawsuits, 430–320 B.C. Princeton, 1994; *Cohen D.* Law, Violence and Community in Classical Athens. Cambr., 1995; *Christ M.R.* The Litigious Athenian. Baltimore; L., 1998; *Johnstone S.* Disputes and Democracy: The Consequences of Litigation in Ancient Athens. Austin, 1999; *Rubinstein L.* Litigation and Cooperation: Supporting Speeches in the Courts of Classical Athens. Stuttgart, 2002; *Lanni A.M.* Law and Justice in the Courts of Classical Athens. Cambr., 2006.

¹³ *Boegehold A.L. et al.* The Lawcourts at Athens: Sites, Building, Equipment, Procedure, and Testimonia / The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXVIII. Princeton, 1995.

¹⁴ *Nomos: Essays in Athenian Law, Politics and Society* / Ed. P. Cartledge, P. Millett, S. Todd. Cambr., 2002 (1-st ed. 1990); *Große Prozesse im antiken Athen* / Hrsgg. von L. Burckhardt und J. von Ungern-Sternberg. München, 2000; *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / Ed. by M. Gagarin, D. Cohen. Cambr.; N. Y., 2005.

Ряд историков XIX – нач. XX в. критиковали осуществление правосудия в Афинах и нелицеприятно отзывались о работе афинского народного суда, среди них – К.Ю. Белох и Р. Пёльман.¹⁵ Напротив, Дж. Грот, Г. Глотц, Р. Боннер и Г. Смит (авторы капитального исследования «Судопроизводство от Гомера до Аристотеля»)¹⁶ достаточно высоко оценивали афинскую судебную систему. Ученые второй половины XX в. склонны были скорее одобрительно, чем отрицательно, отзываться о работе афинских судов. М. Хансен, неутомимыми усилиями которого исследования афинской гелиэи и вообще афинской демократии в последние десятилетия были подняты на новую высоту, проанализировав функционирование дикастериев в IV в. до н.э. и рассмотрев основные виды судебных процессов и процедур, приходит к выводу, что именно народный суд, а не народное собрание было сувереном в позднеклассических Афинах. Благодаря перераспределению власти в пользу гелиэи, в которой заседали зрелые, умудренные и контролировавшие свои эмоции граждане, радикальная демократия эпохи Перикла с её бесконтрольным народным суверенитетом сменилась модифицированной в умеренном духе демократией века Демосфена.¹⁷ Роль афинских дикастериев в смене парадигмы «власть народа» на «власть законов» подчеркивал и М. Оствальд.¹⁸ Ряд современных исследователей, отмечая некоторые недостатки и издержки афинского судопроизводства, подчеркивают, что «плюсы» явно перевешивают, и афиняне проявляли чрезвычайное уважение к законам.¹⁹ Положительную роль судов в разрешении конфликтов, улаживании споров, в контролирова-

---

¹⁵ *Белох Ю.* История Греции / Пер. с нем. М. Гершензона. М., 1899. Т. 2. С. 19–21; *Пёльман фон Р.* Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с 4-го изд. А.С. Князькова под ред. С.А. Жебелева / Научная редакция нового издания, примечания и дополнения М.М. Холода и С.М. Жестоканова. СПб., 1999. С. 278, 285.

¹⁶ *Grote G.* A History of Greece. L., 1849. Vol. V. P. 512–545; *Glottz G.* The Greek City and its Institutions / Tr. by N. Mallinson. L., 1969. P. 254–258 (1-ère éd. – La cité grecque. P., 1928); *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice... Passim.

¹⁷ *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 151, 300–304; *idem.* Demos, Ecclesia and Dikasterion in Classical Athens // GRBS. Vol. 19. 1978. P. 127–146; *idem.* The Sovereignty of the People's Court... P. 11–15.

¹⁸ *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley; Los Angeles, 1986. Passim.

¹⁹ *Meyer-Laurin H.* Gesetz und Billigkeit im attischen Prozess. S. 31–34; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N. Y., 1991. P. 57–58; *Harris E.M.* Law and Oratory // Persuasion: Greek Rhetoric in Action / Ed. I. Worthington. N. Y., 1994. P. 131, 137

нии и сдерживании вспышек насилия у агрессивных граждан подчеркивают Г. Герман, М. Храйст, С. Джонстоун, А. Ланни.²⁰

Однако в некоторых работах последних лет встречается и иная, скептическая, если не сказать, критическая оценка эффективности и успешности работы афинского народного суда. Р. Осборн, Д. Коэн, Р. Гарнер указывают на то, что судебный процесс в Афинах не был нацелен на установление «истины», а являлся выражением агонистической социальной структуры; суды не столько регулировали конфликты, сколько являлись способом сведения счетов.²¹ Э. Рушенбуш обратил внимание на «провалы в законах» (в афинских законах не давалось определений «состава преступления»), которые восполнялись судебским суждением о справедливости, что имело опасные последствия: место закона заступал произвол судей.²² П. Родс отметил ряд черт афинской судебной системы, бросающие тень на популярные в последние десятилетия рассуждения о позднеклассических Афинах как о «царстве закона», в том числе: судьи не стремились вникнуть в обстоятельства дела, фактически они выясняли, кто из тяжущихся более достойный гражданин, соответствующий «демократическим стандартам»; они не различали противозаконные действия и действия непродуманные или неприемлемые с политической или военной точки зрения, поэтому так часто случались обвинения по политическим мотивам и т.п.²³ Г. Тюр вообще назвал афинский суд тупиковой юридической системой, главным изъяном которой было отсутствие эффективных механизмов для установления судебной истины, да и цели такой афинские присяжные перед собой не ставили.²⁴

---

²⁰ *Herman G.* How Violent Was Athenian Society // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis / Ed. by R. Osborne, S. Hornblower.* Oxf., 1994. P. 102, 107–109, 117; *Christ M.* The Litigious Athenian. P. 191–192; *Johnstone S.* Disputes and Democracy. P. 8; *Lanni A.M.* Law and Justice... P. 15–40.

²¹ *Osborne R.* Law in Action in Classical Athens // *JHS.* Vol. 105. 1985. P. 52; *Cohen D.* Law, Violence... P. 87–88, 92, 101–102, 181–183; *Garner R.* Law and Society in Classical Athens. P. 67–69, 124.

²² *Ruschenbusch E.* Δικαστήριο πάντων κύριον // *Historia.* Bd. 6. 1957. S. 263–269, 273.

²³ *Rhodes P.J.* Enmity in fourth-century Athens // *Kosmos: Essays in Order, Conflict and Community in Classical Athens / Eds. P. Cartledge, P. Millett, S. von Reden.* Cambr., 1998. P. 157, 160; *Родс П.* Афинская демократия // *Античность и средневековые Европы.* Пермь, 1998. С. 49.

²⁴ *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / Akten eines Symposiums 3.-7. August 1992, Bellagio / Hrgb. W. Eder.* Stuttgart, 1995. S. 324–326; *idem.* Das Gerichtswesen Athens im 4. Jahrhundert v. Chr. // *Große Prozesse...* S. 37–39.

Историографический обзор приводит нас к следующему заключению. В отечественном антиковедении отсутствуют специальные монографические исследования афинского народного суда; в работах общего характера и статьях российских ученых содержится лишь ряд разрозненных и весьма кратких замечаний и обзоров деятельности гелиэи, рассматриваются некоторые судебные процессы и отдельные судебные процедуры. В то же время в западной науке гелиэя – в центре внимания; целый ряд развернувшихся в последние десятилетия дискуссий относительно особенностей афинской демократии, проблемы её эволюции, сравнения античной и современной демократий, так или иначе, связаны с этим важнейшим институтом демократических Афин. В ходе обсуждения роли и места гелиэи в афинском государстве высказываются самые разные, подчас противоположные оценки содержания и эффективности деятельности данного органа – от весьма положительных до критических. Все это послужило для нас еще одним стимулом обратиться к исследованию афинского народного суда, становление и функционирование которого мы намерены рассматривать в тесной связи с развитием афинской демократии, отмечая влияние её характерных черт на осуществление правосудия в Афинах.

Положения, выносимые на защиту:

– народный суд в Афинах – гелиэя, созданная по инициативе Солона в нач. VI в. до н.э., была изначально особым органом, а не «судебной сессией» народного собрания, являясь апелляционным судом последней инстанции (гл. I, § 1, с. 52–74);

– анализ первых известных нам судебных процессов показывает, что еще до реформы Эфиальта в «громких делах» с политической подоплекой сначала эклесия, а затем и гелиэя действовали как суд первой инстанции, возможно, вследствие нерешительности архонтов и Ареопага, опасавшихся брать на себя ответственность за вынесение приговоров в тех случаях, когда обвиняемый был видной политической фигурой (гл. I, § 2–3, с. 75–115);

– отрицание аутентичности судебных разбирательств против лиц из ближайшего окружения лидера афинской демократии Перикла следует признать несостоятельным, вызванным стремлением ряда исследователей обелить афинскую демократию (гл. I, § 4, с. 115–142);

– гелиэя играла важную роль в «имперской политике» Афин, являясь средством осуществления судебного и политического контроля над союзниками, однако представление о том, что *все* процессы по важным делам союзников проходили в Афинах является неверным (гл. I, § 5, с. 143–161);

– несмотря на комические издевки и преувеличения, комедии Аристофана могут быть использованы как исторический источник для реконструкции работы гелиэи и облика народного судьи второй половины V в. до н.э.; комедиограф верно подметил ряд недостатков в афинском судопроизводстве, имеющем очевидный крен в сторону обвинительных приговоров (гл. II, § 2, 4 с. 183–194, 202–214);

– возможность для любого «желающего» выступать истцом по «государственным искам» и материальные выгоды, которые получали в случае выигрыша в процессах определенного рода обвинители, способствовали расцвету в IV в. до н.э. профессионального доносительства; сикофантия удачно вписывалась в контекст социально-политических отношений афинской демократии: демос осуществлял таким образом своеобразный контроль над элитой (гл. II, § 3, с. 194–202; гл. III, § 2–4, с. 221–286);

– уникальный юридический феномен – свидетельская пытка рабов – в реальной практике афинского судопроизводства применялась крайне редко, несмотря на обильные восхваления правдивости «пыточных показаний» у судебных ораторов, но в любом случае, «вызов на пытку», принятый или отклоненный, призван был придать правдивость и убедительность речи того, кто инициировал допрос (гл. IV, § 1–4, с. 287–349);

– изложение тяжущимися материала дела и аргументация строились таким образом, чтобы максимально учитывать нормы, ценности, предрассудки, принятые в афинском обществе, поэтому такое важное место в речах сторон занимали соответствующие топосы (гл. IV, § 5, с. 349–366; гл. VII, § 1, с. 552–565);

– в выборе, который делали судьи при вынесении вердикта, большую роль играли внеправовые критерии; едва ли не ключевую роль играла сама личность фигуранта (или фигурантов) дела – репутация, заслуги, семейное и имущественное положение, преданность демократии и её ценностям etc. (гл. IV, § 5, с. 349–366; гл. VII, § 1, с. 552–565);

– анализ процессов стратегов по исангелии – жалобе о тяжком преступлении, угрожавшем безопасности государства, – показывает, что подоплекой многих обвинений были не действительные преступления военачальников, а неудача, постигшая их при выполнении «боевой задачи»; афинские граждане переносили на стратегов разочарование из-за провалов в военной политике, которую они сами же нередко одобряли через свое голосование в собрании (гл. V, § 2, с. 403–405, 419–420; § 4, с. 443–445);

– правовые нарушения, допущенные при вынесении приговора стратегам-победителям в битве при Аргинусских островах, являлись далеко не случайными, будучи прямым следствием идеи народного суверенитета (гл. V, § 3, с. 421–443);

– *γραφή παρανόμων* – жалоба на противозаконие – появилась в годы Пелопоннесской войны и использовалась как оружие в политической борьбе представителями различных политических группировок; утверждение некоторых современных ученых о том, что этот вид процесса стал тормозом для осуществления безграничного народного суверенитета, средством для преодоления издержек прямой демократии, не может считаться доказанным (гл. VI, § 1–2, 4, с. 487–521, 532–543; гл. VII, § 3, с. 587–588);

– *номотесия* – новый порядок принятия законов, введенный в конце V – нач. IV вв. до н.э., предусматривающий участие в нем народных судей, – не перераспределила власть в пользу гелиэи; данная процедура применялась крайне редко (гл. VI, § 3, с. 521–529; гл. VII, § 3, с. 584–587);

– частые обвинения в государственных преступлениях стратегов и ораторов, нередко беспочвенные, имели отрицательные последствия для функционирования афинской демократии, приводя к общему упадку эффективного лидерства в Афинском государстве (гл. VI, § 5, с. 544–551);

– попытки представить Афины IV в. до н.э. «царством закона», предпринимаемые в последние десятилетия рядом известных западных историков (М. Хансен, М. Оствальд, Р. Сили, Г. Вольф, В. Эдер и др.) не находят подтверждения ни в наших источниках, ни в известных нам исторических фактах (гл. VI, § 3, с. 521–529; гл. VII, § 2, 4, с. 565–583);

– данная модернизация Афинской демократии является результатом отождествления античной прямой демократии с современной представительной, вследствие чего процесс эволюции в сторону либерального совершенствования демократии, проходивший в ряде стран в XIX – XX вв., переносится на развитие афинского государственного строя в V – IV вв. до н.э. (гл. VII, § 4, с. 598–601);

– представляется целесообразным поставить вопрос о правомерности отождествления древней (прямой) и современной (представительной) демократии, признания их двумя видами одного и того же политического строя (гл. VII, § 4, с. 602–603).

Научная новизна диссертации определяется следующими факторами

– она является первым в отечественной историографии монографическим исследованием народного суда в Афинах; гелиэя изучается комплексно,

на современном уровне, с учетом достижений отечественной и новейшей западной историографии по данной тематике, и на широком круге нарративных, эпиграфических и археологических источников;

– предлагаются новые трактовки и решения некоторых проблем, связанных с реконструкцией ряда ключевых судебных процессов (например, процесс Анаксагора, дело стратегов-победителей, обвинение по жалобе на противозаконие декрета Фрасибула) и с рассмотрением некоторых активно обсуждаемых в историографии вопросов (судопроизводство в архэ; состав суда в IV в. до н.э.; свидетельская пытка рабов; мотивы судей при вынесении приговоров и т.п.);

– делается ряд новых выводов и наблюдений об обусловленности некоторых особенностей афинской судебной системы именно политическим строем афинского государства – прямой демократией;

– особо выделяется роль гелиэи в спорах относительно эволюции афинской демократии, сравнении политического строя Афин «века Перикла» и «века Демосфена»;

– впервые дается подробный и всесторонний критический разбор концепции М. Хансена и других ученых об Афинах как о «царствии законов», с комплексным анализом всех основных аргументов; вскрываются политико-философские корни данной концепции.

Теоретическая значимость работы. В диссертации определяется место и роль народного суда в развитии прямой афинской демократии; содержится ряд оригинальных выводов об обусловленности характерных черт афинской судебной системы и особенностей судопроизводства именно демократическим политическим строем афинского полиса; проводится анализ ряда концептуальных вопросов, важных для общего понимания природы прямой демократии. В работе приводятся убедительные аргументы против модернизации афинской демократии и её судебной системы, против стремления представить Афины неким античным вариантом «правового государства», а гелиэю – верховным органом афинской демократии, стоявшем в IV в. до н.э. выше экклесии.

Практическая значимость работы. Материал и выводы, представленные в данном исследовании, могут найти применение при подготовке общих и специальных курсов, составлении учебных пособий по истории древней Греции, истории государства и права в античности. Полученные результаты представляют интерес для дальнейших научных исследований по широкому кругу вопросов, причем не ограничивающихся только историей клас-

сических Афин или государственного устройства афинского полиса: они проливает свет на некоторые важные особенности античной прямой демократии и могут быть использованы политическими философами, политологами, специалистами в области исторической психологии. Реконструкция деятельности гелиэи, рассмотрение особенностей афинского судопроизводства, предоставляя материал для сопоставлений, размышлений, обобщений, способны вызвать определенный интерес и у представителей современной судебной системы: правоведов, юристов, судей.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук. Основные положения диссертации излагались в публикациях автора – монографии, учебном пособии, статьях, рецензиях, текстах и тезисах докладов. Результаты исследования нашли отражение в докладах автора на различных межвузовских, всероссийских и международных научных конференциях, в том числе:

– в Петербурге: на II, III, IV, V, VIII, IX Жебелевских чтениях (2000–2003, 2006, 2007) и всероссийской конференции «Античное общество – IX: Империализм в античном мире» (2007) в СПбГУ; на III международных научных чтениях «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербургское отделение Российского общества интеллектуальной истории, 2007); на Герценовских чтениях в РГПУ им. А.И. Герцена (1999 – 2007) и на IX российско-американской практической конференции «Актуальные вопросы современного университетского образования» (РГПУ им. А.И. Герцена, 2006 г.);

– в Москве: на международной конференции «Античность и современность» (Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук; ИВИ РАН, 2007); на XV Сергеевских чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова (2007 г.); Семеновских чтениях в МПГУ (2006 г.);

– в Калининграде: на международном семинаре «American Studies through Russian and American Eyes: New Curricula and New Pedagogies for English and the Social Sciences» в Российском государственном университете им. И. Канта (2005);

– в Нижнем Новгороде: на всероссийской конференции «XI Чтения памяти проф. Н.П. Соколова» в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (2008);

– в Киеве: на международной конференции «Актуальные проблемы истории Древнего мира» (Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, 2007 г.);

– в Риге: на международной конференции «The Comic /Comicality – vital not only in the ancient world, but also in its heritage» в Латвийском университете (2007 г.).

Содержание и выводы работы обсуждались с коллегами во время научной стажировки автора в Фэйрфильдском университете (Коннектикут, США) в 2004 г. Некоторые положения диссертационного исследования апробировались в лекциях по истории древней Греции и современному антиковедению, которые автор читает на факультете социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, и в спецкурсе по афинской демократии, прочитанном в Санкт-Петербургском государственном университете.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, в которое входят источниковедческий и историографический разделы, семи глав, подразделяющихся на параграфы, приложения к седьмой главе, заключения, а также списка сокращений, списка источников и использованной литературы. Общий объем диссертации – 677 с.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы исследования и её актуальность и значимость, обозначается методологическая основа исследования, дается источниковедческий обзор, характеризуется степень изученности проблемы, ставятся цель и задачи работы, определяются её хронологические рамки. Содержание данных разделов кратко охарактеризовано в первой части автореферата.

Глава I «Возникновение и развитие народного суда в Афинах (VI – V вв. до н.э.)» посвящена комплексу проблем, связанных с возникновением гелиэи в VI в. и её развитием в V в. до н.э.

В первом параграфе «Судебная реформа Солона» описываются составные элементы судебной реформы Солона; подчеркивается, что многие исследователи с доверием относятся к сообщениям античных источников о народном суде. Они соглашаются с тем, что в начале VI в. до н.э. Солоном была введена апелляция (ἔφεσις) на приговоры должностных лиц к *новому особому органу – народному суду* (ἡλιαία). Однако есть и другое мнение, восходящее еще к Дж. Гроту и особенно популярное в современной англо-американской историографии: гелиэя – не новый самостоятельный орган, а

эклесия, выполняющая определенные судебные функции; эклесия – это политическая сессия народного собрания, а гелиэя – судебная. Данная точка зрения подвергается в диссертационном исследовании критическому разбору.

В *параграфе втором «Народный суд от Солона до Перикла»* прослеживаются принципиальные изменения в работе народного суда в следующем, V в. до н.э. В период между изгнанием тиранов и веком Перикла гелиэя перестала быть просто судом по апелляциям и превратилась в орган, где разбираются тяжбы, т.е. в суд первой инстанции, а изначально единый суд разделился на судебные палаты, или дикастерии. Когда именно произошли данные изменения, источники умалчивают, а современные исследователи выдвигают различные версии, которые разбираются в данном параграфе. По нашему мнению, изменения в практике судопроизводства относятся ко времени 80-х – нач. 60-х гг., исходя из следующих соображений: нет необходимости непременно приписывать данное нововведение Клисфену – и после его реформ в первой трети V в. происходила серьезная корректировка политических институтов (изменение процедуры избрания архонтов, начало применения ostracism); общественный климат (военная программа Фемистокла, создание морского союза, рост политического влияния фетов) благоприятствовал продвижению по пути прямой демократии, для полного успеха которой реформа народного суда и, как следствие, его усиление имели принципиальное значение; ко времени Эфиальта гелиэя уже была судом первой инстанции, и дикастерии (необязательно в количестве 10, как позже) уже существовали. Действовала ли здесь разумная воля реформатора или прецедент, сказали свое главное слово стихийная практика или прагматические соображения, – ввиду недостатка информации невозможно прийти к однозначному выводу. Реформа Эфиальта (в диссертации разбирается сюжет о её содержании) оказала несомненное влияние на развитие гелиэи и рост её политического значения.

В *параграфе третьем «Первые судебные процессы»* рассматриваются первые судебные процессы в Афинах, сведения о которых дошли до нас, – процессы Фриниха, Мильтиада, Гиппарха, Фемистокла, Кимона; разбираются вопросы хронологии, сути и формы (процедура) предъявленных обвинений, место проведения суда. Объединяет эти процессы то, что во всех них в действиях обвинителей прослеживается политический мотив – они были частью борьбы в афинском обществе за внутри- и внешнеполитические предпочтения и приоритеты. Борьба эта велась представителями аристократической элиты, но афинский демос отнюдь не был пассивным статистом в ней –

в конце концов, *все* эти процессы, вероятнее всего, происходили в экклесии или гелиэе, т.е. голосование народа решало участь обвиняемых. И демос был готов показать, кто, по меньшей мере, *считается* верховной властью в государстве: из шести приговоров только два были оправдательные.

Предметом исследования в *четвертом параграфе «Громкие дела» 30-х гг.»* являются процессы, возбужденные против ближайшего окружения Перикла и самого «Олимпийца». Обсуждается проблема датировки процесса Фидия – предпочтительным здесь представляется мнение тех исследователей, которые датируют его концом 30-х гг. до н.э., т.е. незадолго до Пелопоннесской войны. Больше всего информации, хотя зачастую крайне путаной, дошло до нас о процессе философа Анаксагора – эта информация анализируется, выделяются некие опорные моменты, позволяющие осуществить историческую реконструкцию. Делается вывод о том, что наиболее вероятным наказанием был штраф, и что Анаксагор вскоре после этого покинул Афины – но именно по своей воле, а не *по приговору* суда: ведь в Афинской архэ в случае подобного вердикта запрещалось пребывание на территории всего союза, и тогда непонятно, как мог философ поселиться в союзном Лампсаке. Ряд исследователей не уверены в аутентичности истории о судебном преследовании Анаксагора, еще больше сомнений вызывает процесс Аспасии.²⁵ Нетрудно заметить, что побудительным мотивом для скептиков является желание обелить афинский демос и демократию, дезавуировав обвинения в преследовании «инакомыслящих». Мы убеждены в том, что оснований отвергать достоверность процессов у нас нет.

Рассматривая процесс самого Перикла, мы приходим к выводу, что выдвигаемая рядом историков версия о двух процессах стратега (в 430 г. и раньше – в связи с делом Фидия) все же не находит достаточной поддержки в источниках, но то, что какие-то неприятности, а возможно, и официальные обвинения Перикл претерпел еще во время процесса Фидия, – вполне возможно. В завершении сюжета о «громких делах» 30-х гг. особо отмечается использование религиозного консерватизма как оружия в этой политической борьбе в судебном камуфляже, – все процессы против членов «кружка Перикла» были обвинениями в нечестии, против самого лидера афинской демо-

---

²⁵ Например: *Dover K.J.* The Freedom of the Intellectual in Greek Society // *Talanta*. Vol. 7. 1976. P. 28, 31-32, 39; *Wallace R.W.* Private Lives and Public Enemies: Freedom of Thought in Classical Athens // *Athenian Identity and Civic Ideology* / Ed. by A.L. Boegehold, A.C. Scafuro. Baltimore; L., 1994. P. 131-132, 136-138; *Raaflaub K.* Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles // *Große Prozesse...* S. 101-109.

кратии также выдвигалось обвинение в религиозном преступлении (ἱεροσυλία), хотя ему и удалось избежать вердикта.

В пятом параграфе «Судопроизводство и архэ» прослеживается роль гелиэи в осуществлении афинской державной политики. Отмечается, что судебные отношения в рамках морского союза по мере превращения его в державу прошли определенную эволюцию. Поначалу подразумевалось, что союзники автономны и, очевидно, сами разбирают свои судебные дела, без участия или вмешательства афинской гелиэи. Судопроизводство в морском союзе видоизменялось в сторону увеличения в нем афинского участия и контроля, и это совершенно соответствовало главной тенденции – усилению афинской гегемонии. Поэтапно и последовательно все большая роль отводилась афинской гелиэе, хотя утверждение о том, что союзники изнывали под судебным гнетом афинян, было бы чрезмерным. В исках по торговым и финансовым делам (δίκαι ἀπὸ συμβολῶν) афиняне, видимо, сохранили принятую практику, и формально не имели преимуществ перед неафинянами – процессы, возбуждаемые в связи с нарушением таких соглашений, происходили, вероятно, в городе ответчика, т.е. не обязательно в Афинах. Все дела, касающиеся только союзников и не предусматривающие серьезных наказаний, разбирались в местных судах. Исключение составляли афинские проксены: в декретах в их честь сказано, что их не имели права наказывать без ведома афинского народа и не в Афинах.

В ведении гелиэи находились те дела из союзных полисов, которые были чреваты тяжким приговором: смерть, ссылка, потеря гражданских прав, конфискация имущества. То, что смертный/тяжкий приговор требовал афинского разрешения, могло подразумевать как суд непосредственно в Афинах, так и некую апелляцию, подаваемую в афинскую гелиэю, или обязательное подтверждение гелиэей вынесенного местными судьями вердикта. Первый вариант сомнителен: ведь в этом случае *все* дела, по которым *может быть* вынесен смертный приговор, должны были слушаться в гелиэе. В пользу второго варианта в диссертации приводится ряд доводов общего характера, подкрепленных предложенным Г. Уэйд-Джери и Ж. Сен-Круа толкованием халкидского декрета (IG I³, 40).²⁶ Для гелиэи последствием возникновения и развития морской державы, очевидно, стало увеличение количества тяжб и дней заседания судов, да и количества самих дикастов: во времена Пелопон-

---

²⁶ Wade-Gery H.T. Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 192–195; Ste. Croix G.E.M., de. Notes on Jurisdiction in the Athenian Empire // ClQu. Vol. 11. 1961. P. 271–272.

неской войны (а, может быть, и раньше) ежегодно избиралось 6000 судей, а гелиэя заседала, если верить Аристофану, чуть ли не 300 дней в году (Vesp., 662–663).

В *параграфе шестом «Судопроизводство в Афинах в эпоху Пелопоннесской войны»* речь идет о том, как ситуация в Афинах в годы тяжелой войны, прежде всего, два олигархических переворота повлияли на развитие и функционирование афинской судебной системы. Тридцать тиранов, пришедшие к власти после заключения Фераменова мира, приняли целый ряд мер, по сути парализовавших деятельность народных судов в Афинах. Аристотель говорит, что тираны уничтожили власть, которая заключалась в дикастах (τὸ κῦρος ὃ ἦν ἐν δικάσταῖς κατέλυσαν – Ath. Pol., 35, 2), – что конкретно имеется в виду, не совсем ясно. Народный суд либо вовсе перестал функционировать, либо, если формально и дикастерии не были уничтожены, Совет фактически узурпировал их функции. После восстановления демократии работа народного суда возобновилась в полном объеме.

В *главе II «Народный суд по комедии Аристофана»* дается описание работы гелиэи (состав и численность народного суда, «судебный инвентарь», ход судебного заседания, голосование судей и проч.) и рисуется облик присяжного-гелиаста на основании тех сведений, которые можно найти в пьесах Аристофана, особенно в его комедии «Осы». В *параграфе первом* рассказывается о постановке «Ос», основных действующих лицах и содержании пьесы. В центральной сцене пьесы – сцене «собачьего суда», пародии на афинское судопроизводство, Аристофан блестяще (прежде всего, через поведение и реплики судьи Филоклеона) показывает два главных порока афинских судов – предвзятость и безответственность, а в речи защитника-Бделиклеона осмеиваются все трюки, которыми пользовались тяжущиеся в своих речах.

В *параграфе втором «Работа суда и народные судьи в комедиях Аристофана»* подытоживается материал из различных пьес Аристофана и вырисовывается следующая малоприятная для афинского судопроизводства картина. Судят в Афинах по преимуществу дряхлые старики и занимаются они этим, чтобы заработать себе на пропитание; помимо платы их привлекает сознание того, что от них зависит судьба подсудимого, нередко человека богатого, знатного. Неподотчетность (судьи – ἀνυπεύθυνοι) и вытекающая отсюда безнаказанность рождает у судей ощущение вседозволенности и могущества, равного божественному. В *параграфе третьем «Сикофант в комедии Аристофана»* собраны и анализируются упоминания в пьесах комедиографа об антигерое афинской судебной системы – сикофанте, профессио-

нальном доносчике и шантажисте. В диалоге Доносчика и Справедливого человека из «Плутоса» (902–920) в словах доносчика даны серьезные (с точки зрения афинской судебной практики) обоснования существованию этого малоприятно явления общественной жизни. Истоки сикофантства коренятся в отсутствии государственного обвинения в Афинах, когда любой желающий мог выступать в качестве истца по государственным искам. Афинская судебная система также благоприятствовала развитию сикофантии: в «Осах» показано, как афинские судьи вождели обвинительных приговоров и как легко были готовы по мановению демагога преследовать очередную жертву.

В параграфе четвертом *«Политические взгляды Аристофана и достоверность изображенной им картины афинской судебной системы»* обсуждается вопрос: как рассматривать изображение гелизи в «Осах» и других комедиях – как подлинную картину судебных нравов или как карикатуру, и если последнее – как она соотносится с действительностью, и с какой целью поэт создал эту карикатуру? Наша собственная позиция близка к той средней, на наш взгляд, взвешенной точке зрения, которой придерживались многие исследователи.²⁷ «Осы» и замечания об афинском суде и судьях в других комедиях – бесспорно, карикатура и местами весьма злая. Но преувеличивая, осмеивая, пародируя, Аристофан подмечал действительно существующие черты в облике и характере гелиастов, наслаждающихся своей властью и безответственностью, и в афинском судопроизводстве в целом, имеющем очевидный крен в сторону обвинительных приговоров. Едва ли правы те исследователи, которые говорят о серьезном искажении действительности у Аристофана, вплоть до откровенной лжи.

В главе III *«Дикасты и сикофанты: основные действующие лица афинской судебной системы»* объектом нашего анализа является всё, что относится к «герою» – дикасту (терминология, «место работы», способ комплектования и численность, жалованье, состав, отбор на заседания), а также причины появления и деятельность «антигероя» – сикофанта. Хронологически содержание данной главы относится к IV в. до н.э.; более ранний матери-

---

²⁷ См., к примеру: Бузескул В.П. История Афинской демократии. СПб., 2003. С. 295–296; Соболевский С.И. Аристофан и его время. М., 1957. С. 87; Croiset M. Aristophane et les parties à Athènes. P., 1906. P. 162; Ehrenberg V. The People of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy). Cambr. Mass., 1951. P. 9, 37; MacDowell D.M. / Aristophanes. Wasps. Oxf., 1971. P. 2–4; Spielvogel J. Die politische Position Komödiendichters Aristophanes // Historia. Bd. 52. 2003. S. 10–13, 19–20.

ал привлекается в качестве сравнения (§ 2, 3), или когда того требует логика изложения (§ 1, 2).

В первом параграфе «Понятие «гелиэя», «гелиасты» и «дикасты» в V–IV вв., места заседания судов» речь идет о словоупотреблении понятий «гелиэя» и «дикастерии», «гелиаст» и «дикаст». Хотя они использовались как синонимы, определенная стилистическая разница между ними прослеживается. В законах, декретах, клятвах, объявлениях и проч. «гелиэя» используется как принятое официальное обозначение народного суда в целом и единственно недвусмысленное обозначение, ибо «дикастерий» мог относиться и к Ареопагу, и к другим уголовным судам по убийствам. Гелиэя – это также место или здание, где заседают судьи. Древнейшее здание гелиэи обычно отождествляют с остатками постройки, воздвигнутой еще в VI в. до н.э. на юго-западе агоры, – это прямоугольный перибол, 26,5 x 31 м, без крыши, площадью около 800 м². Около 340 г. до н.э. афинские суды были сведены в единый комплекс, который отождествляется археологами с остатками пяти строений на северо-восточной стороне агоры.

Параграф второй «Судьи: клятва, пивáκιov, оплата, численность, распределение судей по дикастериям». Некоторые исследователи полагают, что указываемая в ряде источников численность гелиэи в 6000 (Aristoph., *Vesp.*, 662; And., I, 17; Aristot. *Ath. pol.*, 24, 3) годится только для эпохи архэ или является весьма приблизительным; что в IV в. до н.э. сколько граждан после тридцати приносили судейскую клятву, столько и было судей (без ограничений), и членство в гелиэе было чуть ли не пожизненным.²⁸ Однако исследование бронзовых пинакиев IV в. до н.э. (судейских табличек), проведенное американским археологом Д. Кроллом, показывает, что существовала конкуренция для занятия судейской должности (одни и те же таблички принадлежали разным «хозяевам»); состав дикастов постоянно менялся и никогда не был пожизненным и постоянным.²⁹ Система распределения судей по дикастериям несколько раз претерпевала изменения, становясь все более изощренной, вероятно, в целях препятствия коррупции. Её реконструкция и описание, предлагаемое в диссертации, основано на рассказе Аристотеля из

²⁸ *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 138–140; *Hommel H.* Heliäia: Untersuchungen zur Verfassung und Prozessordnung des athenischen Volksgerichts // *Philologus. Supplementband XIX.* Ht. II. Leipzig, 1927. S. 36–37, 49–50, 120–121; *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice... Vol. I. P. 372; *Bleiken J.* Die athenische Demokratie. Paderborn, 1991. S. 170; *Суриков И.Е.* Некоторые проблемы... С. 16–17; *он же.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 254–255.

²⁹ *Kroll J. H.* Athenian Bronze Allotment Plates. Cambr. Mass., 1972. P. 71–86.

«Афинской политики» (64–69) и на опубликованном материале археологических раскопок на афинской агоре, с учетом исследований С. Доу, восстановившего внешний вид и описавшего принципы работы клеротерия – машины для жеребьевки.³⁰

В параграфе третьем «Состав афинского суда в «век Демосфена» разбирается дискуссионный вопрос о том, из кого преимущественно состоял народный суд в IV в. до н.э. На основании анализа источников (речей Лисия, Демосфена, Исократ; материала археологических раскопок и замечаний Аристотеля в «Политике»), используя доводы некоторых современных историков (Д. Коэна, Дж. Обера, Р. Синклера³¹), в диссертации делается вывод о том, что определенная репрезентативность различных имущественных категорий граждан в афинском суде была, но в основном судьи были людьми скромного достатка, многие из них – пожилого возраста. По своему социальному и профессиональному составу дикасты представляли практически весь спектр афинского гражданства. Преобладание граждан малоимущих в дикастериях не означает, что там заседали люмпены: ораторы достаточно осторожны, когда прямо или косвенно высказываются по поводу благосостояния самих судей. Можно допустить, что внимающим ораторам слушателям, среди которых большинство едва ли могло похвастать большим достатком, было лестно, когда их относили к категории состоятельных граждан.

В параграфе четвертом «От «желающего» к сикофанту» прослеживается, как инициатива добровольных обвинителей, необходимая в Афинах для возбуждения дела (по государственным искам), и материальные выгоды, которые получали в случае выигрыша в процессах определенного рода обвинители, способствовали расцвету в IV в. до н.э. профессионального доносительства. Сладить со злом сикофантства афинская демократия так и не захотела, но даже если бы захотела, вряд ли смогла бы: чтобы искоренить его, надо было менять всю судебную систему, построенную на добровольной инициации иска. Профессиональное доносительство удачно вписывалось и в контекст социально-политических отношений: демос утверждал таким образом свою власть над элитой, осуществлял своеобразный контроль над нею, заставляя её богатых и знатных представителей трепетать при виде выискивающих свою добычу сикофантов.

---

³⁰ Dow S. Aristotle, the Kleroteria and the Courts // HSCIPh. Vol. 50. 1939. P. 1–34.

³¹ Ober J. Mass and Elite... P. 182–187, 310, 324–326; Sinclair R.K. Democracy and Participation in Athens. Camb., 1993; P. 122–127; Cohen D. Law, Violence... P. 75–83.

Глава IV. «Судебный процесс в Афинах в IV в. до н.э.» решает задачу воссоздания картины судебного процесса в Афинах с момента инициации иска до вынесения судьейского вердикта и определения наказания; обсуждаются связанные с различными этапами процесса вопросы и проблемы, вызвавшие в историографии дискуссию.

В **параграфе первом «Инициация иска, подготовка к процессу»** рассматриваются этапы подготовки к процессу – подача иска, привлечение синегоров, предварительное рассмотрение дела у архонта (ἀνάκρισις) и т.п.; особое внимание уделяется сюжету об использовании судебных проклятий. Приведенные в работе примеры показывают, что агрессивная черная магия использовалась не только обывателями в делах по частным искам, но и определенными политическими группировками в «государственных» процессах.

Параграф второй «Свидетели» повествует о том, кто и как в афинском суде мог выступать в качестве свидетеля, какая роль отводилась свидетельским показаниям; рассматриваются вопросы, связанные с дачей ложных показаний. Свидетели в афинском суде не просто должны были подтверждать истинность заявлений «своей стороны» (как в современном суде), своим «качеством» и количеством эта своеобразная «группа поддержки» ручалась за «правильный» моральный облик своего тяжущегося (в смысле соответствия его принятым в демократическом афинском обществе нормам и правилам поведения); нередко были случаи лжесвидетельства. В **параграфе третьем «Свидетельская пытка рабов»** обсуждается интереснейший и уникальный юридический феномен, кажется, в таком виде нигде и никогда, кроме Афин, не применявшийся в античном мире, – свидетельская пытка рабов. В дошедших до нас судебных речах 42 раза встречается приглашение – «можешь пытать моих рабов» – или призыв – «дай мне пытать твоих»; однако, сорок раз они были отвергнуты, только два раза приняты и ни разу не осуществлены, так как в последний момент принявшая вызов сторона выдвигала какие-то возражения. Высказывалось мнение (С. Тодд, М. Гагарин, Г. Тюр³²), что призыв пытать рабов как форма вызова намеренно использовался для того, чтобы быть отвергнутым, а затем этот просчитанный отказ использовался как аргумент в свою пользу в суде (т.е. свидетельством становилось отсутствие свидетельства). Непонятно, как объяснить тогда пышные славо-

---

³² Thür G. Beweisführung vor den Schwurgerichtshöfen Athens: die Proklesis zur Basanos. Vienna, 1977. S. 233–261; Todd S. The Purpose of Evidence in Athenian Courts // Nomos. P. 33–36; Gagarin M. The Torture of Slaves in Athenian Law // ClPh. Vol. 85. 1996. P. 1–18.

словия в адрес правдивости «пыточных» показаний рабов у судебных ораторов – получается, что дикасты внимали этим восхвалениям и одновременно понимали, что отыскание истины с помощью βάσανος – фигура речи или мистификация. По нашему мнению, свидетельская пытка рабов все же применялась, но в исключительных случаях: ведь только уверенный в своем безусловном преимуществе тяжущийся предлагал эту процедуру, а его противник, понимая это, вряд ли делал ему подарок в виде добровольного согласия на осуществление βάσανος; в IV в. до н.э. свидетельская пытка применялась гораздо реже, чем тогда, когда она только появилась и укоренилась в обычном праве (в V в. до н.э. ?), все более превращаясь в элемент риторской стратегии и судебной игры.

В параграфе четвертом «Речи сторон» объектом анализа становятся поведение тяжущихся, их речи, применяемые уловки и ухищрения, ритуал упрашивания, реакция судей и присутствующей публики. Участники тяжбы старались завоевать симпатии судей, вербализируя господствующие в обществе взгляды и убеждения, Содержанием их речей было не только конкретное дело, факт, поступок, которые и привели их в суд, но вся предшествующая частная и общественная жизнь участников тяжбы. Оратор пытался выставить свои поведение и характер в максимально выгодном свете и одновременно опорочить притязания и моральный облик противника (топос πίσις ἐκ βίου). Рассматриваются различные топосы, популярные в судебной риторике. Участники процесса пытались во что бы то ни стало пробудить в судьях жалость, не гнушались слез, приводили детей. Ритуал упрашивания – не просто форма воздействия на судебские эмоции: мольбы, просьбы, слезы принижали личность (особенно, когда эта личность была из элиты) и подчеркивали коллективное превосходство и коллективную власть демоса в лице дикастов.

В параграфе пятом «Голосование: чем руководствовались афинские судьи, вынося приговор» предпринимается попытка выявить мотивы афинских присяжных при вынесении приговора. В новейшей историографии не раз отмечалось, что дикасты, отдавая свой голос, руководствовались как правовыми, так и внеправовыми (extralegal, außerechtlich) критериями, причем на первый план часто выходили именно последние. То, что дикасты столь охотно брали в расчет внеправовые критерии при вынесении приговора, объясняется и тем, что механизмы для установления истины в афинском судебном процессе не были четко выработаны и являлись недостаточными: разбирательство сводилось к выслушиванию речей истца и ответчика; перекрест-

ного допроса свидетелей или сторон не существовало; содержание речей сторон и показания свидетелей часто к сути дела имели косвенное отношение или вовсе не имели никакого; возможности и времени для изучения материалов дела дикасты не имели (процесс шел один день); судьи-присяжные не совещались и не обменивались мнениями.³³ В этих условиях выбор, который делали судьи при голосовании, оказывался своеобразным сплавом правосудия, собственных интересов гелиэи и интересов демоса. Едва ли не ключевую роль играла сама личность фигуранта (или фигурантов) дела – репутация, заслуги, семейное и имущественное положение, преданность демократии и её ценностям etc.

В *параграфе шестом «Наказание»* речь идет о возможных наказаниях в случае обвинительного приговора; на ряде примеров показано, что за многие правонарушения (в том числе достаточно курьёзных по современным меркам) могла быть определена крайняя мера – смертная казнь.

Приговор гелиэи как выражение народной воли был окончательным, суверенным (κύριος), обжалованию не подлежал, ибо был он, по словам Лисия, «высшей властью в государстве» (αὐτή [ψῆφος] γάρ ἐστὶ πάντων ἐν τῇ πόλει κυριωτάτη – I, 36), т.е. возможности исправить ошибку и отменить несправедливый или ошибочный приговор за редким исключением не было. Единственным органом, который мог отменить решение народного суда, был сам народ, т.е. народное собрание.

Главы пятая и шестая посвящены анализу важнейших видов политического (государственного) процесса в классических Афинах. **Глава V «Политический процесс в классических Афинах: исангелия»** открывается *параграфом первым «Закон об исангелии; исангелия как процедура»*, в котором исследуются вопросы, связанные с введением, содержанием и применением исангелии. Аристотель утверждают, что закон о внесении чрезвычайной жалобы по государственным преступлениям внес еще Солон (Ath. pol., 8, 4), и сначала дела такого рода разбирал Ареопаг. Неясно, когда полномочия выслушивать обвинения по исангелии были переданы народному собранию и гелиэе, – на этот счет высказывались самые разные мнения, анализируемые в работе. Олигархическое правительство Четырехсот приостановило действие

---

³³ На особенности афинского судебного процесса, которые затрудняли установление истины, обращали внимание: *Dover K.J. Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Berkeley; Los Angeles, 1974. P. 294; Ruschenbusch E. Δικαστήριο πάντων κύριον. S. 262; Cohen D. Law, Violence... P. 105–107, 130; Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte... S. 324–326.*

чрезвычайных заявлений (как и жалоб на противозаконие). Но вскоре после его свержения исангелия была не только восстановлена – предположительно именно тогда и был принят особый закон о чрезвычайных заявлениях – νόμος εἰσαγγελτικός, подытоживший многолетнюю практику разбирательства дел по исангелии. В период с 403 по 362 г. до н.э. большинство дел по исангелии рассматривалось в народном собрании, между 361 г. и 324 г. – ни одного. Высказывалось предположение, что главную роль в изменении закона об исангелии сыграли соображения экономии: процесс по исангелии в народном собрании «стоил» дороже (примерно 1 талант), чем в гелиэе (250 драхм); мнение М. Хансена, рассматривающего данную меру в рамках концепции о перераспределении власти в IV в. до н.э. от народного собрания к народному суду как сознательный шаг афинян по направлению к умеренной демократии, представляется неверным.³⁴

По утверждению источников (Dem., VIII, 28–29; XIII, 5; Нур., IV, 27), главной жертвой исангелий были стратеги. В *параграфе втором «Процессы по исангелии во время Пелопоннесской войны»* дается обзор ряда процессов. Делается следующий вывод: некоторые из смертных приговоров (процесс Аристарха, Антифонта с Архептолемом), вынесенные на процессах по исангелии в годы Пелопоннесской войны, имели определенные правовые основания и оправдания: с точки зрения восстановленной демократии, лидеры и стратеги олигархического правительства Четырехсот были виновными и в государственном перевороте, и в изменнических отношениях со спартанцами и их союзниками. В то же время приговоры, вынесенные стратегам, повинным в том, что они не справились со своими обязанностями, не выполнили «боевую задачу» или не оправдали чаяний демоса, зачастую носили неоправданно суровый характер. Все то, что вменялось стратегам в вину, независимо от содержания их проступка, получало стандартное наименование продосии и было чревато смертной казнью. В условиях военного времени также было весьма опасно в той или иной форме ставить под сомнение традиционные народные верования (процесс Протагора). Когда тревожная обстановка усугублялась оскорблением, нанесенным религиозным чувствам демоса, коллективные страх, неуверенность, нервозность, желание мести рождали панические настроения и способствовали открытию «охоты за ведьмами», легко обретавшей в условиях прямой демократии правовую форму через псефизмы народного собрания (процессы гермокопидов и прочих святотатцев). По-

---

³⁴ Hansen M.H. *Eisangelia*. P. 53–56; *idem*. *The Athenian Democracy*... P. 159.

спешные и необдуманные решения демоса были чреватые самыми серьезными политическими последствиями и существенным образом сказывались на ходе Пелопоннесской войны (процесс Алкивиада). Складывались условия для совершения непоправимых судебных ошибок, могущих обернуться «юридическим убийством».

О самом известном примере последнего – речь идет в следующем *третьем параграфе «Процесс стратегов-победителей при Аргинусских островах»*. По нашему мнению, анализ процесса стратегов-победителей позволяет сделать кое-какие выводы относительно особенностей афинской прямой демократии. Её оценка с точки зрения следования принципу законности предполагает выяснение того, насколько строго соблюдалась в данном примере судебная процедура: судили ли стратегов за нарушение закона или *ad hoc*. Обвинение (исангелия) действительно выдвигалось по закону, но при отправлении правосудия были допущены серьезные нарушения: фактически процесс не состоялся, ведь стратегам не дали высказаться в свою защиту, и они были осуждены все «скопом», на что указывает и Ксенофонт – ἀπολλύτεσ ἀκρίτους παρὰ τὸν νόμον (I, 7, 25). Причем эти нарушения были далеко не случайными, а стали прямым следствием идеи народного суверенитета. Суверенность народа – главный принцип прямой демократии. Как бы благоговейно ни относились афиняне к закону, как бы ни утверждали на словах суверенитет закона, следует признать, что не закон, а народ правил в Афинском государстве (подробнее об этом – в гл. VII). Примечательны слова Ксенофонта: «толпа кричала, что возмутительно, если кто не позволяет народу поступать так, как ему вздумается» (Hell., 1, 7, 12). Не имея ни в чьем лице противовеса, в отсутствие механизмов, сдерживающих его произвол, демос мог не опасаться, что его лишат власти, и поэтому поступал по принципу «хочу – соблюдаю закон, хочу – нарушаю».

Как следует из материала *параграфа четвертого «Процессы по исангелии в IV в. до н.э.»*, занимать командные должности в IV в. до н.э. было не менее, если не более опасным делом, чем в V в., судя по частоте, с которой стратеги привлекались к суду. Вероятно, в конце 30-х гг. IV в. до н.э. в процедуре исангелии произошли некоторые изменения, связанные с возросшим количеством злоупотреблений этим крайне опасным для обвиняемых и безопасным для обвинителей видом политического процесса. Особенно эти злоупотребления участились в третьей четверти IV в., когда обвинители стали выдавать незначительные проступки за подпадающие под закон об исангелии (несколько таких примеров разбирается в данном параграфе).

Параграф пятый «Процессы в связи с докимасией, сдачей отчета (εἴθυνα), апофасисом: обзор» представляет собой обзор других государственных процессов, имевших очевидную политическую подоплеку, по которым дикастериям принадлежала окончательная юрисдикция: процессы в связи с докимасией – испытанием кандидата на должность; процессы в связи со сдачей должностными лицами отчета (эвтины). Апофасис, введенный предположительно в 40-х гг. IV в. до н.э., был, по сути дела, разновидностью исангелии, но дело инициировалось не гражданином-обвинителем, а Ареопагом или собранием; предварительное следствие в любом случае вел Ареопаг, представляя экклесии доклад с результатами расследования (ἀπόφασις); вердикт выносило народное собрание или народный суд.

В завершающих данную главу рассуждениях мы обращаемся к обсуждаемому в историографии вопросу: как объяснить такое невероятное количество осужденных стратегов, учитывая, что с особой суровостью афиняне обходились с ними в периоды, когда особенно велика была нужда во взвешенном и квалифицированном руководстве, будь то в годы Пелопоннесской войны или в середине IV в. до н.э.? По нашему мнению, одними тактическими промахами афинских военачальников или их поборами с союзников или местного населения (во время операций вдали от Афин), а также политической борьбой между различными группировками, имевшими противоположные мнения относительно направлений афинской внешней политики,³⁵ не объяснить столь сурового отношения демоса к своим лидерам. Не только иррационализм и шараханье из стороны в сторону, присущие толпе,³⁶ но и производные от прямой демократии всевластие и безнаказанность демоса, не несущего ответственности за собственные ошибки, но не прощающего чужие, не терпящего разочарования и склонного к поискам «козла отпущения», – были причиной судебных расправ над стратегами, и неважно осуществлялись ли они на Пниксе или в залах гелиэи.

Глава VI «Политический процесс в классических Афинах: жалоба на противозаконие» открывается *параграфом первым «Графῆ παρανόμου: процедура «жалобы на противозаконие»*, в котором собрана информация

---

³⁵ Ошибки: *Cloché P.* Les procès des stratèges athéniens // REA. Т. 27. 1925. P. 97–118; *Roberts J.T.* Accountability in Athenian Government. Madison, 1982. P. 107–123; поборы: *Mossé C.* Athens in Decline. Boston, 1973. P. 26; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 234; противоборство группировок: *Mossé C.* Politique et société en Grèce ancienne. Le “modèle” Athénien. P., 2003. P. 164–166; *Roberts J.T.* Accountability... Passim.

³⁶ *Sagan E.* The Honey and the Hemlock. P. 195.

источников о данной процедуре. Отмечается, в частности, что *γραφή παρανόμων* была не средством контроля одной ветви власти – судебной – над другой – законодательной (афинские дикастерии едва ли можно рассматривать в качестве независимой ветви власти) – данная процедура давала возможность демосу для ревизии собственных решений. Причем, ревизия эта происходила в наиболее безболезненной для народа форме, снимавшей с него всякую вину: ведь обвинялось не собрание, принявшее неверное решение, а политик, по недомыслию или злокозненности склонивший к этому эkkлeсию.

Обсуждается вопрос о времени и обстоятельствах появления данного вида жалобы, активно дискутируемый в историографии; предлагались датировки в весьма широком диапазоне, от Солона (начало VI в. до н.э.) до 415 г. до н.э. Наиболее обоснованной представляется версия о появлении жалобы на противозаконие в годы Пелопоннесской войны, а именно, около 415 г. до н.э.; но даже если данная процедура была изобретена раньше, стимулом к её активному использованию послужил фактический отказ афинян от остракизма и осознание тех преимуществ, которые сулило это новое оружие политической борьбы.

Во втором параграфе *«Первые процессы по жалобе на противозаконие»* рассматриваются первые процессы по жалобе на противозаконие, сведения о которых дошли до нас. Особенно подробно разбирается внесение жалобы Архином после ниспровержения Тридцати тиранов (403 г.) на противозаконность предложения Фрасибула о даровании гражданских прав метекам и освобождении рабов, боровшихся за восстановление демократии. Вывод, к которому мы приходим в данном разделе: уже первые процессы по жалобе на противозаконие показали, что в Афинах появилось новое оружие в политической борьбе, используемое представителями разных политических группировок и направлений.

В параграфе третьем *«Изменения в процедуре принятия законов в конце V – IV вв.: ревизия законов, номотесия, γραφή νόμων μή ἐπιτήδειον θεῖναι»* разбирается целый ряд вопросов, связанных с ревизией афинских законов в конце V в. до н.э. и введением новой процедуры принятия законов. Относительная легкость осуществления олигархических переворотов в 411 и 404 гг. показала, как старый метод принятия законов (простым большинством на одном заседании буле и одной встречи эkkлeсии) позволял быстро и эффективно по требованию политического момента или политической группировки менять законодательство. Теперь номотесию регулировало несколько

ко законов; если эkkлeсия голосовала «за», предложение не становилось немедленно законом, а передавалось на рассмотрение комиссии номофетов, избираемой из гелиастов. Для М. Хансена номотесия – один из главных доводов в пользу его тезиса о том, что в IV в. произошло перераспределение власти в пользу судов, и по-настоящему суверенным органом являлась теперь именно гелиэя, а не эkkлeсия, ведь решающее слово в изменении законов стало принадлежать судьям-номофетам.³⁷ Однако, коллегия номофетов – отнюдь не «суверенный» орган: она приступала к своим обязанностям лишь по решению народного собрания, не имела никакой законодательной инициативы и только выбирала между предложенными вариантами. К тому же, из-за того, что новый порядок принятия законов был очень громоздким, процедура номотесии применялась крайне редко, и подавляющее большинство решений эkkлeсии и в IV в. представляло собой псефизмы.

В связи с изменениями в процедуре принятия закона в конце V в. или начале IV в. появился новый вид жалобы на противозаконие – жалоба на внесение «неподходящего закона» – *γραφή νόμων μὴ ἐπιτήδειον θείναι*. Обжалование «неправильного» закона происходило значительно реже по сравнению с обжалованием декретов, ведь в связи с усложнившейся процедурой предлагалось и принималось мало новых законов.

В параграфе четвертом «Процессы по *γραφή παρανόμων* в IV в. до н.э.» продолжается рассмотрение примеров процессов о противозаконии и делается ряд заключений относительно использования данной процедуры в позднеклассических Афинах.

Если для V в. нам известно лишь несколько случаев применения жалобы на противозаконие, то для следующего столетия – более трех десятков. Возникает ощущение, что в IV в. до н.э. этой процедурой нередко злоупотребляли; вердикты судей определялись их политическими пристрастиями; изрядное количество обвинений имело под собой весьма шаткие основания. Значительную часть процессов по *γραφή παρανόμων* составляли оспаривания декретов, дарующих почести или гражданство. Особое внимание в данном разделе уделяется процессу Ктесифонта, или процессу о венке (Dem., XVIII; Aeschin., III).

---

³⁷ См.: Hansen M.H. Did the Athenian Ecclesia Legislate after 403/2 B.C.? // GRBS. Vol. 20. 1979. P. 25–53; также: Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 524. Еще раньше похожие идеи о номотесии высказывали: Kahrstedt U. Untersuchungen zu athenischen Behörden II: die Nomotheten und die Legislative in Athen // Klio. Bd. 31. 1938. S. 1–32; Wolff H.J. «Normenkontrolle»... S. 23–25.

Анализ известных нам из источников процессов по жалобам на противозаконие наводит на определенные выводы.³⁸ Из 38 псефизм, атакуемых как неконституционные, относительно 6 ничего неизвестно, 19 представляли собой почетные декреты, 5 касались вопросов внешней политики. Две жалобы на противозаконие выдвигались по поводу смертного приговора – в одной отмечалось нарушение процедуры (жалоба Евриптолема во время суда над стратегами-победителями), в другой оспаривалось предложение предать казни без суда обвиненного в краже священных гиматиев Гиерокла (Lib. hyp. Dem. XXV). По одной в каталоге Хансена представлены жалобы по поводу заключения под стражу (дело Леогора), бюджетного вопроса (иск против Аполлодора), изыскания средств на оказание государственной помощи сиротам (декрет Феозотида), против постановления о взыскании 9,5 талантов с триерархов (Dem., XXIV, 11–15, 117) и т.п. И мы должны либо признать странную неполноту и тенденциозность наших источников, злокозненно вознамерившихся лишить нас информации о жалобах на противозаконие в связи с действительно серьезными нарушениями демократического законодательства, либо мы должны согласиться с тем, что в реальной политической жизни Афин обвинение в противозаконии являлось не столько гарантом незыблемости демократического конституционного строя, сколько плодом сиюминутной политической ситуации и мощным средством политической, точнее межпартийной, борьбы.

В параграфе пятом «*Политические процессы и афинская демократия*» излагаются некоторые соображения о значении γράφη παρανόμων; делается общее заключение о последствиях частных обвинений в государственных преступлениях (жалоба на противозаконие, исангелия, процессы в связи со сдачей отчетов и др.) для функционирования афинской демократии.

Главной мишенью обвинений в противозаконии являлись ораторы, публичные политики, называемые в источниках риторамии. Жалоба на противозаконие могла выступать как своеобразный механизм сдерживания власти демагогов в народном собрании – тем более что большинство афинских политиков в IV в. до н.э. гораздо реже, чем их коллеги в V в., занимали государственные должности (стратегии) и тем самым реже подлежали отчету. В историографии не раз отмечалось, что γράφη παρανόμων играла в каком-то смысле положительную роль: она переносила в судебские стены конфликт

---

³⁸ Каталог процессов и статистические выкладки – см.: Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court... P. 28–43.

между политиками, лидерами различных группировок, гася его остроту. Служа в некоторой степени тем же целям, что и остракизм, она была более усовершенствованным и гуманным орудием контроля и средством расправы над лидерами – либо «зарвавшимися», либо не угодившими, либо над теми, чья политика в данный момент не устраивала демос. Однако частота политических процессов, сложившаяся практика презентовать и отстаивать политические программы на судебных бемах, выяснять отношения и сводить счеты с соперниками в залах дикастериев, в сочетании с суровостью приговоров по государственным искам, – имели важный и неприятный для функционирования афинской демократии «побочный эффект». Еще Фукидид вложил в уста Диодота (сцена митиленских дебатов) замечание о том, что чрезмерная подозрительность, страх перед якобы подкупленными ораторами отнимает у народа советников (III, 42, 4; 43, 2–5; также – Aeschin., III, 226). Широко использовали в своей деятельности *ὑραφῆ παρανόμων* сикофанты, шантажируя и богатых сограждан, и видных политиков.

В «группе риска» помимо политиков-ораторов в афинском государстве находились и стратеги. Постоянные нападки со стороны демагогов и сикофантов, частые обвинения в государственных преступлениях и судебные процессы стратегов были одной из основных причин того, что наиболее способные афинские полководцы позднеклассической эпохи проводили значительную часть своей жизни и карьеры в добровольной или вынужденной ссылке или служили в качестве командиров наемников у персидских царей или фракийских династов. Преследования стратегов явились одной из причин снижения качества военного командования и общего упадка эффективного лидерства в Афинском государстве; в свою очередь этот упадок не мог не сказаться на способности афинян защитить себя перед лицом македонской агрессии.³⁹

Завершает диссертационную работу глава VII «Афины IV в. до н.э. – суверенитет собрания и демоса или суда и законов?». *Параграф первый «Законы в афинском судебном процессе»* содержит ряд наблюдений о характере афинского судопроизводства, полученных, в том числе, из анализа прямого или косвенного противопоставления в судебных речах: «то, что правильно (справедливо)», – vs строгих правовых норм (законов). Из деклари-

---

³⁹ См., например: *Beloch K.J.* Die Attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884. S. 43; *Glötz G.* The Greek City and its Institutions. P. 231; *Samons L.* What's Wrong with Democracy? From Athenian Practice to American Worship. Berkeley; Los Angeles; L., 2004. P. 145–147.

руемой афинскими ораторами почтительности к законам не следовало обязательство нерушимо блюсти каждую их букву; напротив, надлежало соизмерять её с тем, что «справедливо» (τὰ δίκαια) или даже с тем, что выгодно (οὐσιφέρον). Так, в речах по делам о наследствах тяжущиеся часто апеллировали к справедливости своих притязаний, ставя её выше формальной законности завещания. Законы в афинском судебном процессе, в отличие от современного, отнюдь не были самодостаточны: т.е., чтобы изобличить преступника и добиться его осуждения, недостаточно было указать на соответствующий закон, под который подпадает данное правонарушение, даже если таковой имелся в наличии. Разобрав ряд примеров, мы высказываем предположение: когда дикасты были не способны вникнуть в легалистские трюизмы и доводы или чувствовали себя замороченными премудростями права, при малейшем сомнении они предпочитали «царству закона» «царство справедливости».

В параграфе втором «Проблема эволюции афинской демократии: власть народа или власть закона?» отмечается, что в последние два-три десятилетия в центре академических споров антиковедов оказалась проблема развития афинской демократии, соотношение государственного строя Афин V и IV вв. до н.э., поиски ответа на вопрос: каким образом эволюционировали демократические Афины, в какую сторону изменялся их государственный строй?

У древнегреческих современников позднеклассических Афин был свой ответ на этот вопрос. Платон в «Законах» утверждал, что в начале V в., когда существовал еще «древний государственный строй», афиняне жили в подчинении законам (698b–699d), однако постепенно «вследствие чересчур далеко зашедшей свободы» народ перестал слушаться законов (701b). Почти слово в слово с Платоном критикует современные ему Афины и хвалит афинскую демократию времен Солона и Клисфена Исократ (VII, 9–12, 20–28). Для Аристотеля было очевидно, что после восстановления демократии в 403 г. власть демоса неуклонно возрастала: «Народ сам сделал себя владыкой всего, и все управляется его постановлениями и судами, в которых он является властелином» (Ath. pol., 41, 2). Последняя фраза почти дословно совпадает с описанием в «Политике» радикальной разновидности демократии, прототипом которой скорей всего послужил современный Стагириту государственный строй в Афинах. Один из главных признаков крайней демократии: «верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам» (Pol., 1293a10), и реализуется она через принятие псефизм (1292a35).

В новейшей историографии в последние десятилетия все настойчивее высказывается мнение о принципиальной разнице между афинской демократией V в. и IV в., только в совершенно ином, отличном от оценок Платона и Аристотеля, смысле. Афиняне учли печальный опыт двух олигархических переворотов и после низвержения Тридцати тиранов так изменили свой государственный строй, что на смену суверенитета народа, осуществляемого через бесконтрольную и безудержную власть народного собрания, пришел суверенитет закона.⁴⁰ Ученые, придерживающиеся данного мнения, полагают, что афинская демократия эволюционировала в «правильном» направлении (с точки зрения современных либерально-демократических ценностей). Было бы преувеличением утверждать, что столь популярная ныне теория «власти закона» в позднеклассических Афинах, превосходства гелиэи над эkkлeсией, является общепризнанной. Раздаются и критические голоса – как в отношении концепции в целом, так и по отдельным её моментам.⁴¹

Для ответа на вопрос, какая из двух обозначенных выше позиций ближе к истине, в *параграфе третьем «К оценке концепции М. Хансена и других ученых о «власти закона» в Афинах IV в. до н.э.»* мы еще раз анализируем доводы сторонников данной концепции. Рассматриваются по порядку три институционных «кита», на которых она держится: 1) номотесия; 2) введение $\gamma\rho\alpha\phi\eta\ \pi\alpha\rho\alpha\nu\acute{o}\mu\omega\nu$ (и то, и другое – средство осуществления контроля за законодательством со стороны народного суда); 3) расширение компетенции гелиэи – переход всех дел по исангелии в введение народного суда. К ним добавляется еще одна идеологема: 4) хвала законам в речах ораторов. Повторяются и дополняются новыми деталями выводы и наблюдения, которые были уже сделаны в нашей диссертации по ходу рассмотрения соответствующих сюжетов (главы V, VI). Основной вывод: все те изменения и нововведения (о которых говорят сторонники концепции о «власти закона»), призванные сгладить опасности бесконтрольной и безудержной реализации на-

⁴⁰ *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... Passim. *Sealey R.* The Athenian Republic: Democracy or the Rule of Law? University Park; L., 1987. P. 90–91, 97, 146–148; *Piérart M.* Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // Die athenische Demokratie... P. 248–268. *Wolff H.J.* «Normenkontrolle»... S. 22–25; *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie... S. 11–28; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 151, 300–304 (и другие работы).

⁴¹ *Mossé C.* Politique et société en Grèce ancienne. P. 175–178. *Sinclair R.K.* Democracy... P. 72, 130, 132, 138; *Cohen D.* Law, Violence... P. 34–57; *Bleiken J.* Die Einheit der athenischen Demokratie in klassischer Zeit // Hermes. Bd. 115. 1987. S. 257–283; *Rhodes P.* Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change // Die athenische Demokratie... P. 303–319. *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte... S. 321–331 etc.

родной воли, – как то γραφή παραβόμων, номотесия и др. – вовсе не уменьшили и, тем более, не уничтожили власть демоса в позднеклассических Афинах.

Восхваление законов в устах судебных ораторов скорее представляло собой некий идеологический конструкт, призванный удовлетворять потребности судебной риторики; следуют также учитывать, что в афинских законах существовали «правовые пробелы, или провалы» (определение Э. Рушенбуша), восполняемые произвольным судебским суждением; судебное разбирательство в классических Афинах – это не применение закона, а борьба вокруг того, что означает этот закон и каким образом он соотносится (если вообще соотносится) с сутью тяжбы.

В параграфе четвертом «Демократия древняя и современная: к постановке проблемы» мы показываем связь появлением концепции «Афины IV в. до н.э. – царство закона» с проблемой сопоставления древней (прямой) и современной (представительной) демократий и типологической характеристикой античной демократии. На наш взгляд, то, что некоторые весьма авторитетные антиковеды приходят к выводу об эволюции афинской демократии к власти закона, проистекает как раз из их убежденности в родственности прямой и представительной демократий, рассматриваемых как два вида одного и того же рода. Ведь если это так, вполне логично умозаключение: раз представительная демократия с момента своего возникновения в XVIII в. шла по пути либерального совершенствования, то и древняя демократия должна была идти по тому же самому пути – т.е., по пути прогресса в «правильном» направлении. Что же касается недостатков, связанных с прямым народоправством, то они должны были корректироваться, например, посредством перераспределения власти в пользу народного суда. Однако, как мы пытались показать в своей работе, существуют серьезные возражения против концепции об Афинах IV в. до н.э. как о «царствии закона» – она не находит подтверждения в известных исторических фактах и категорически опровергается свидетельствами современников позднеклассической афинской демократии. Прделанное нами исследование народного суда и различных видов политического процесса в афинском полисе позволяет усомниться в тезисе о либеральном совершенствовании прямой афинской демократии и её прогрессе в «правильном» направлении. Сделаем еще один шаг и осмелимся поставить под вопрос правомерность отождествления древней (прямой) и современной (представительной) демократии и обоснованность проистекающего из данного отождествления вывода о схожести их эволюции. Но дальнейшие рассуж-

дения на эту тему выводят нас за рамки антиковедческого сочинения. Не будучи специалистами в политической философии, выскажем лишь мнение о том, что проблема типологии древней демократии не может считаться однозначно решенной и нуждается в дальнейшей разработке в рамках специальных исследованиях.

В *приложении* к главе VII «*О понятии "демократия"*» дается экскурс в историю данного термина.

В *заключении* подводятся итоги исследования, суммируются конкретные результаты и выводы, полученные по отдельным главам и параграфам и изложенные выше.

В результате развития системы судопроизводства, осуществляемого на протяжении всего V в. до н.э., афинская гелиэя стала одним из наиболее эффективных механизмов осуществления власти суверенного демоса – и не только в судебных, но и в политических делах; а благодаря своей массовости и представительности гелиэя стала почти тождественна понятию «суверенный демос». Гелиэя играла также важную роль в афинской державной политике, являясь средством осуществления судебного, а как следствие, и политического контроля над союзниками.

Проанализированные нами ход и содержание судебного процесса в Афинах в IV в. до н.э. от момента появления тяжущихся на беме до вынесения дикастами вердикта позволяет сделать следующее заключение: все то, что происходило в стенах гелиэи, отражало идеологию державного демоса, его ценности, политические пристрастия и социальные предпочтения, и в этом смысле воспроизводило и умножало саму афинскую демократию.

В последние десятилетия исследования афинского судопроизводства играют большую роль в определении тенденций развития афинской демократии, в сопоставлении государственного строя Афин V и IV вв. до н.э. Для тех, кто находит в позднеклассических Афинах *подлинную* демократию, «царство закона», правовое государство (или его зачатки), – деятельность гелиэи, перераспределение властных компетенций в пользу последней стали главным аргументом. Проанализировав доводы сторонников данной концепции, сопоставив их с данными источников и известными нам историческими фактами, мы отвергаем утверждения о перераспределении власти в позднеклассических Афинах от экклесии в пользу гелиэи, об эволюции афинской демократии «от суверенитета народа к суверенитету закона»: власть по-прежнему находилась в руках гражданского коллектива, в руках демоса. У нас есть серьезные сомнения в том, что сценарий либерального совершенст-

вования, прогресса в том же направлении, в котором развивались современные демократические государства, может быть применен по отношению к прямой афинской демократии.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах автора:

Монография

1. Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 463 с. (28,4 п.л.) (подписано в печать 29.02.2008, выход в свет – март 2008 г.)

Учебное пособие

2. Кудрявцева Т.В. Античность (Древнегреческая цивилизация) // Вечерина Т.П., Кудрявцева Т.В. История цивилизаций: Античность. Средневековье. Ч. 1. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. С. 4–100 (6 п.л.)

Статьи, тезисы докладов, рецензии

3. Кудрявцева Т.В. Политический процесс в классических Афинах (на примере процесса стратегов-победителей) // Герценовские чтения 1999. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1999. С. 105–107 (0, 2 п.л.).

4. Кудрявцева Т.В. Политический процесс в классических Афинах (на примере процесса стратегов-победителей) // Клио. Журнал для ученых. № 2 (8). 1999. С. 74–80 (1,1 п.л.).

5. Кудрявцева Т.В. К вопросу о Солоновой гелизе // Жебелевские чтения – 3. Тезисы докладов научной конференции 29–31 окт. 2001. СПб.: Издат-во СПбГУ, 2001. С. 61–64 (0,2 п.л.).

6. Кудрявцева Т.В. М.С. Куторга и петербургская историческая школа // Россия в контексте мировой истории (Сб-к статей в память Ю.В. Егорова) / Отв. ред. Фурсенко А.А. СПб.: Наука, 2002. С. 408–430 (1,5 п.л.).

7. Кудрявцева Т.В. К вопросу о Солоновой гелизе в современной историографии // Проблемы истории международных отношений и историографии всеобщей истории: Сб-к статей памяти В.К. Фураева. СПб., 2002. С. 177–190 (1,1 п.л.).

8. Кудрявцева Т.В. Афинская демократия и первые процессы по жалобе на противозаконие // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб-к статей. Вып. 2. СПб., 2003. С. 89–116 (1,3 п.л.).

9. Кудрявцева Т.В. [Рец.:] Еще раз к вопросу о сравнении античной и современной историографии: *Samons L.J. What's Wrong with Democracy?: From Athenian Practice to American Worship*. Berkeley, 2004 // Мнемон. Иссле-

дования и публикации по истории античного мира. Сб-к статей. Вып. 4. СПб., 2005. С. 465–473 (0,4 п.л.).

10. Кудрявцева Т.В. Афинская демократия – «гадкий утенок» европейской историографии // Герценовские чтения 2005. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2005. С. 156–158 (0,2 п.л.).

11. Kudryavtseva T. Reclaiming Democracy: Three Stages in Developing the American Concept of Democracy // American Studies through Russian and American Eyes: New Curricula and New Pedagogies for English and the Social Sciences / Материалы 7-го международного семинара. Калининград, 2006. С. 145–151 (0,8 п.л.).

12. Кудрявцева Т.В. Афинская демократия – «гадкий утенок» европейской историографии (от Макиавелли до Грота) // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 8. С. 124–130 (0,5 п.л.).

13. Кудрявцева Т.В. Как афинские судьи распределялись по дикастериям // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб-к статей. Вып. 5. СПб., 2006. С. 215–222 (0,4 п.л.).

14. Кудрявцева Т.В. Кто заседал в афинских судах в «век Демосфена» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 189–197 (0,8 п.л.).

15. Кудрявцева Т.В. Сикофанты и Афинская демократия // Вестник древней истории. 2007. № 2. С. 174–184 (0,9 п.л.).

16. Кудрявцева Т.В. Народный суд в «Осах» и других комедиях Аристофана // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 8 (34). 2007. Общественные и гуманитарные науки. С. 178–189 (1 п.л.).

17. Кудрявцева Т.В. Гелиэя в контексте афинских державных отношений // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб-к статей. Вып. 6. СПб., 2007. С. 23–40 (1,1 п.л.).

18. Кудрявцева Т.В. «Острова мира»: фантастическая комедия Аристофана и Пелопоннесская война // Хронотоп войны: Пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта / Материалы III научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и научной конференции «Мир и война: море и суша». Санкт-Петербург – Кронштадт, 21 – 24 окт. 2007. М.; СПб., 2007. С. 35–38 (0,4 п.л.).

19. Кудрявцева Т.В. Процессы против членов «кружка Перикла» и политическая борьба в классических Афинах // Историк и его дело. Серия памяти проф. В.Е. Майера: Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 2007. С. 5–17 (1 п.л.).

20. [Рец.]: И.Е. Суриков. Остракизм в Афинах / Отв. ред. доктор ист. наук Л.П. Маринович. М.: Языки славянских культур, 2006 // Вестник древней истории. 2007. № 4. С. 187–191 (0,6 п.л.).

21. Кудрявцева Т.В. Карать или миловать: чем руководствовались афинские дикасты, вынося приговор // Studia historica. Вып. VII. М., 2007. С. 44–54 (0,8 п.л.).

22. Кудрявцева Т.В. Тяжущиеся на беме: Речи и поведение сторон в афинском народном суде // Вестник древней истории. 2008. № 1 (январь–февраль–март). С. 3–18 (1,3 п.л.).

23. Кудрявцева Т.В. Греческие философы о демократии: pro et contra // Философия и общество. 2008. № 1 (январь–март). С. 112–126 (0,9 п.л.).

24. Кудрявцева Т.В. Пытка рабов в афинском судопроизводстве // Герценовские чтения 2007. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2008 (выход в свет – апрель 2008 г.). С. 170–172 (0,2 п.л.).

25. Кудрявцева Т.В. Процессы стратегов по исангелии в IV в. до н.э. и афинская демократия // История: мир прошлого в современном освещении. Сб-к научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2008 (выход в свет – март 2008 г.). С. 166–182 (1 п.л.).

26. Кудрявцева Т.В. Афинская демократия в истории и историографии Возрождения и Просвещения // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. Вып. 7. СПб., 2008 (выход в свет – ноябрь 2008 г.). С. 95–108 (0,8 п.л.).

27. Кудрявцева Т.В. «Жалоба на противозаконие» в демократических Афинах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 3. 2008 (сентябрь). С. 107–113 (0,7 п.л.).